

**КАРНАВАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ:
МАСКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, профессор кафедры философии и социальных наук, адрес: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, e-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация. Цель статьи рассмотреть, как карнавальным элементом региональной политики связывается с легитимацией власти. В результате обосновано значение практик региональной элиты, прибегающей к игровым формам позиционирования. Легитимность региональной власти зависит от праздничного дискурса. Рутинизированный политический процесс в субъектах РФ не вызывает общественных эмоций, которые позитивно сказались бы на легитимации власти. Политическая реальность в российских регионах стала настолько зависимой от зрелища, что власть не может отказаться от него даже в условиях ограничений COVID-19. Запрос на политику зрелища присутствует и в муниципальных политических практиках, что подтверждается автором на некоторых примерах. Социальный организм, нуждающийся в эмоциях, равно как и в управлении, не испытывает серьезных трансформаций. В результате сделан вывод, что в региональном политическом процессе все чаще можно увидеть акценты на праздничных и фестивальных событиях. Власть решает две важные проблемы. С одной стороны, разрешается запрос общества на зрелище в условиях достаточно неприятного и мало-перспективного для власти накопления негатива из-за ухудшения социально-экономической конъюнктуры в целом. С другой стороны, производство спектакля решает вопросы легитимации региональной и муниципальной власти.

Ключевые слова: власть, карнавал, легитимность, легитимация, региональная власть, ресурсы власти, спектакль.

**CARNIVAL POLITICAL TECHNOLOGIES: MASKS
OF LOCAL AUTHORITIES IN MODERN RUSSIA**

SKIPERSKIKH A. V., Doctor of Political Sciences, Assistant professor, Bunin Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail: pisatels@mail.ru.

Abstract. The purpose of the research is to present how the carnival element in the regional policy is associated with the legitimating of power.

Also made of the current state of the regional political process in some constituent entities of the Russian Federation, characterized by a high degree of carnivalization.

As a result, the importance of the practices of the regional elite, resorting to game forms of their own positioning. The legitimacy of the regional power to depend on festive discourse. A routine political process in the constituent entities of the Russia does not evoke public emotions that have a positive effect on the legitimation of power. The demand for the politics of spectacle is also present in municipal political practices in a very dangerous epoch of COVID-19. A social organism that needs emotions, as well as control, does not experience serious transformations. In society penchant for spectacle, as well as the political class in the production of carnival events, there are deep historical roots, as well as the cultural specificity of a particular region.

The points out that in the regional political process one can increasingly see accents on festivals. So, the government solves two important problems: the first one is a public request for a show, it is resolved in conditions of a rather unpleasant and unpromising accumulation of negative for the authorities due to the deterioration of the socio-economic situation in general, the second one is the production of the play solves the issues of legitimation regional and municipal authorities.

Keywords: authority, carnival, legitimacy, legitimization, local authority, authority resources, performance.

ВВЕДЕНИЕ

Политические практики обладают достаточной долей спектакулярности. Политика всегда воспринималась как игра, имеющая свои законы и таинства, героев и аудиторию. Карнавальный дискурс позволяет расслабить общество и взглянуть на драматическую реальность через оптику иронии. Актуальным становится исследование игровой составляющей региональной политики в субъектах РФ.

Методология исследования – анализ политических процессов в субъектах РФ, определение содержания региональной политики в контексте ее соответствия праздничным ожиданиям общества. В 2020 году политическая реальность в современной России стала рассматриваться сквозь призму карантинных ограничений. За первой волной пандемии, случившейся весной 2020 года, постепенно набирала ход вторая волна. Оба вызова в значительной мере сказались на политических процессах на разных уровнях. Политическая эффективность губернаторского корпуса, равно как и глав муниципальных образований, начинает сводиться к практикам борьбы с коронавирусом и управления статистической отчетностью, предоставляемой как «наверх», так и «вниз». Существенно меняются и сами образы власти, причем вне зависимости от ее уровней. Власть все чаще представляется в защитных масках, на собственном примере показывая трагичность текущей ситуации. Вместе с тем наряду с декларируемыми угрозами и катастрофическими статистиками всё равно практически у каждого человека может складываться ощущение собственного включения в глобальный политический спектакль.

ВЛАСТЬ И СПЕКТАКЛЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТРОДУКЦИЯ

Политическим практикам всегда присущ спектакулярный характер. Сам факт присутствия власти в общественном пространстве, публичные, показательные объективации власти, поражающие своей силой и великодушием, блистательной красотой и эстетикой, всегда предполагали ее обращение к аудитории. Свойственная власти театрализация оказывает значительное воздействие на общественные умы в интересах обратной связи. Важность общественного мнения в легитимации власти учитывается и в периоды отправления политического насилия, ведь власть осуществляет управление не только исключительно с помощью поощрительных ресурсов. Управление предполагает и достаточное принуждение к исполнению властной воли, что не замедляет демонстрировать власть оцепеневшей от почтительного страха аудитории.

Власть всегда использовала зрелище для генерализации своего влияния на общественные умы. «А еще были торжественные выходы государей, обставлявшиеся со всем хитроумием и искусностью»¹, – напишет Й. Хёйзинга о практиках праздничной презентации власти в Средние века.

У короля есть два тела – два образа, писал немецкий исследователь Э. Канторович. И если первое тело – физическое, плотское – еще способно быть

¹ Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – СПб.: Азбука, 2018. – С. 11.

подвержено вызовам умерщвления, то другое, политическое тело остается в неприкосновенности, практически не испытывая каких-либо значительных вызовов¹. Король – власть, тем самым является заложником некоей двоякости. В этой двоякости нужно постоянно балансировать. Двоякость постоянно присутствует в политическом процессе именно тогда, когда власть становится заложницей собственноручно изобретенных схем и правил игры.

Всякий зрелищный акт поддерживает легитимность власти и заканчивается вместе с упрочнением позиции самой власти. Вместе с тем способность производить зрелище не может быть регулярной практикой, ведь власть преимущественно бытует в скрытых формах. «Торжественный характер власти и ее харизматическое благоухание», как характеризует природу власти М. Блок, производящиеся регулярно и превращенные в рутинную деятельность, могут значительно снизить демонстрационные эффекты самой власти². Отсюда, как отмечают некоторые исследователи, «моменты открытой демонстрации власти по продолжительности значительно короче, чем ее скрытое существование и функционирование»³.

Со временем накопленные ритуалы власти преобразуются в политическую традицию. Политическая культура не складывается моментально. «Культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта»⁴, – отмечал Ю. Лотман.

Стоит обратить внимание на тот факт, что власть не может быть заинтересована в постоянном производстве удивления у подчиненных, потому как это изнашивает ее. Чудеса и развлечения в большей степени эффективны тогда, когда они все-таки представляются в дозированном виде. Вместе с тем власть продолжает присутствовать в поле обиходных репрезентаций даже в тот момент, когда не ощущается ее персональное давление.

КАРНАВАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Последние события в российской политике, действительно, все чаще напоминают карнавальную реальность, причем значительно растянутую во времени. Накануне второй волны COVID-19 в российских субъектах царит беззаботное веселье. Проходят различные фестивали, ярмарки, гастрономические мероприятия, на которых некоторые люди скрывают свои лица за разноцветными масками – дизайнерскими и медицинскими.

Голосование по поправкам к Конституции РФ, растянувшееся на длительный период времени, избирательные кампании в российских регионах в сентябре 2020 года, продолжавшиеся в течение трех дней, по сути дела, подтверждают актуаль-

¹ См.: Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. - Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1957.

² Блок М. *Короли-чудотворцы*. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 82.

³ Исаев И.А. *Politica Hermetica: скрытые аспекты власти*. – М.: Юристъ, 2003. – С. 546.

⁴ Лотман Ю. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. – СПб.: Азбука, 2017. – С. 10.

ность для власти перезапуска политической реальности в карнавальной логике. Политический спектакль растягивается во времени, увлекая в свою реальность тех, кто не успел очароваться ею. Карнавальная реальность переворачивает мир. Власть и подчиненные меняются местами. Мир представляется наоборот – в рамках одной местной кампании в Костромской области во власть избирают уборщицу, после чего она становится объектом инициативы по ее номинации на Нобелевскую премию мира как человека труда, имеющий право на управление. Тем самым тезис В. Ленина о кухарке, управляющей государством, приобретает новую актуальность.

Как можно заметить, карнавальная реальность захватывает не только праздничные хронотопы, но и рутинизированные, повседневные практики. Зачастую власть может удивлять общество недвусмысленными откровениями или поступками, подчас не в формате «без галстука». В тот самый момент человеческое начало (неформальное) начинает причудливо корреспондировать с государственным (формальным). Эта особенность политики лишь подчеркивает мысль о том, что «карнавал возникает на грани миров: того, из которого мы пришли, и того, в который оказались ввергнуты»¹.

Как отмечает Ж. Бодрийяр, «городская среда – это одновременно и нейтральное, однородное пространство безразличия, и пространство нарастающей сегрегации»². В этом смысле спектакль является некоей технологией демократизации, технического и перманентного выравнивания статусов участвующих в нем акторов.

Власть в интересах собственной легитимации будет всячески поддерживать иллюзорное ощущение равенства акторов, что конструирует карнавал как некое искусственное поле, опрощающее жесткость и иерархичность *real policy*.

Тем не менее наряду с практиками власти, рассматривающимися через карнавальную оптику, существуют и практики политических акторов, представляющих интересы сопротивления. Об этом могли говорить некоторые авторы, отмечая популярность карнавальных практик в тех обществах, где могли присутствовать реальные ограничения на политическое участие «снизу»³. Подобные технологии политического участия зачастую можно увидеть и в политическом процессе современной России, когда политическая активность исключенных акторов приобретает характер театрализованной и спектакулярной. Политический акционизм, ставший одной из форм политической культуры, зародившись в 1990-х гг., постепенно приходит в политическую реальность 2000-х гг. с акциями арт-группы «Война» и «Синий всадник», новосибирскими «Монстрациями» А. Лоскутова и индивидуальными

¹ Турбин В. Розанов // Смена. – 1990. – № 11. – С. 137.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. - М.: Добросвет, 2009. – С. 156.

³ Cremona V.A. Carnival and Power. Play and Politics in a Crown Colony. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 144.

перформансами П. Павленского. Наряду с карнавальными практиками исключенных акторов театрализация политического зрелища захватывает и дискурс системной оппозиции, представители которой, испытывающие дефицит общественной поддержки, вынуждены заигрывать с аудиторией, отказываясь от своей консервативной политической стилистики.

ЯВЛЕНИЕ ВЛАСТИ И КУЛЬМИНАЦИЯ СОБЫТИЯ

Политический дизайн современной России выстроен таким образом, что зависимость представителей губернаторского корпуса от воли Кремля и близких к нему финансово-промышленных групп кажется нереально высокой. Наряду с этим может существовать маленькое «но». При всей действительной важности одобрения той или иной персоналии президентом РФ фактор общественной поддержки может иметь довольно большое значение. Это обстоятельство лежит в основе пролонгации политического цикла для некоторых губернаторов. Показателен кейс Е. Савченко, руководившего Белгородской областью с 1993 года. Е. Савченко объявил о своей отставке 17.09.2020-го, и, безусловно, такое политическое долголетие вряд ли было бы возможно в случае его негативного губернаторского опыта. Вспомним, насколько резонансной показалась отставка С. Фургала для хабаровчан, ответившим на нее длинной карнавальной эскападой, продолжавшейся вплоть до начала 2021 года. Несмотря на тот факт, что ключевое решение всегда принимается и согласовывается в Москве, необходимость понимать настроения «внизу» никто не отменял.

Подобная логика экстраполируется и на нижние этажи власти, когда уже губернатор может «терпеть» того или иного главу муниципального района исходя не только из почтения к его возрасту, но и по причине его относительно высокой популярности в глазах местного населения.

В подобных связях можно увидеть значение демократии для российской власти, несмотря на то что данный концепт все реже используется в политическом дискурсе современной России. Демократическое состояние, по сути дела, как раз и является состоянием некоего карнавала, некоей нестабильности. Для власти возникает опасность разрушения монополии, потому как в актуальную повестку начинают включаться самые разнообразные акторы – неформальные игроки могут присутствовать в ней наравне с представителями правящего класса. Как отмечает М. Бахтин, разбиравший тексты Ф. Достоевского, в таком случае перед нами предстает особый мир «равноправных сознаний»¹. Карнавальный драйв приравнивает своих акторов, к тому же они используют специфическую маскировку, пытаясь максимально соответствовать карнавальной картинке.

Власть контролирует политическое пространство, равно как и претендует на контроль над всеми событиями, происходящими в его пределах. Чем выше притяжения власти в отношении человеческого тела, тем больше с ее стороны стремле-

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб.: Азбука, 2017. – С. 74.

ние к любым попыткам обуздания излишней общественной активности. Власть будет пытаться контролировать и карнавал, устраняя любые попытки неожиданных рисков для себя. Говоря о современной России, можно заметить, как «закручивается» законодательство РФ в свете ответственности за проведение публичных мероприятий, что моментально испытывают на себе представители как системной, так и несистемной оппозиции. Давление на карнавальные эскапады можно увидеть и в процессах над политическими акционистами в России, пытавшимися в спектаклярных формах обыграть политическую ситуацию.

Наряду с запретительными практиками публичной активности власть, наоборот, может инициировать их. В подобном чередовании запретов и разрешений и разворачиваются политические процессы на различных уровнях российской политики. В отдельных российских регионах в условиях нарастания пандемии COVID-19 тем не менее могут проводиться различные мероприятия, способные обеспечивать власти эффективное поле презентации. После их завершения вновь вводятся ограничительные меры. Кажется, что власть имеет право выйти в свет в тот момент, когда это кажется ей жизненно необходимым, равно как и надеть или не надеть маску во время интервью тому или иному телеканалу. Власть и сегодня является на праздничные мероприятия с должной долей вальяжности, прекрасно понимая свой статус в текущем спектакле. Всюду можно увидеть одинаковую картину, должным образом иерархизированную, разделенную на «верх» и «низ». Как когда-то отметила немецкая исследовательница А. Ассман, любая иерархия устанавливается «насильственным путем»¹.

Правящая элита с особенным упоением отдается праздничным играм постмодерна. Сегодня в российских регионах можно увидеть огромное количество всевозможных мероприятий, так или иначе брендирующих субъект РФ, повышающих его узнаваемость в федеральном информационном пространстве. В интересах производства собственной легитимности губернаторы все чаще вынуждены вступать в непосредственный контакт с народом. Большое количество различных мероприятий, ярмарок, гастрономических фестивалей и т.д., кажется, действительно могут способствовать частому явлению глав российских субъектов народу. Власть не может не понимать, что внутри русской культуры присутствует достаточно высокий дионисийский потенциал. Энергия движения, страсть к раскрепощению, сведенные к определенным ритуализациям, рано или поздно должны находить свою реализацию. Правда, разбуженная карнавальная энергия должна контролироваться властью. В противном случае, как некогда заметил Вячеслав Иванов, «Дионис в России опасен: ему легко явиться у нас гибельною силою, неистовством только разрушительным»².

¹ Подробнее об этом см.: Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛО, 2016. – С. 184.

² Иванов В. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 83.

Анна Ахматова как-то вспоминала, как в ее квартире революционные ревизоры заворачивали сигарки из рисунков Амедео Модильяни.

«Матросы пудрят шеи, носят на голой груди бриллиантовые кулоны»¹, – в дневниковой записи Ивана Бунина от 22.07.1918 года очень много карнавальной природы революции, предполагающей подражание, злую иронию. Шутя, «низы» имитируют поведение «верхов».

Отмеченные риски пробуждения карнавальной энергии не только характеризуют русскую культуру, но и являются неким общим установлением, связанным с восприятием политической картины мира. Об этом, в частности, говорил французский политический философ Андре Глюксман, понимая существование «множества огней, тлеющих под хрупким гражданским спокойствием»².

Активные мероприятия не начинаются вплоть до момента появления власти. Именно для власти «отложены» самые интересные концертные номера. Украшенные столы, богато и причудливо расставленные закуски могут быть тронуты только после того, как их отметит власть. Уже после этого верх и низ могут причудливо смешаться, и карнавальные ощущения станут более близкими. После ухода власти ситуация может в значительной степени демократизироваться. Событие считается сыгранным.

Зачастую представители правящей элиты посещают праздничные мероприятия большой процессией. В такой момент интерес концентрируется вокруг самой важной политической фигуры. Чувствуя свою роль, политик может что-то покупать или пробовать, заводя разговор с торговцем, что, естественно, вызывает интерес окружения, пресс-службы, случайных посетителей. Подобная практика восходит к венецианской «комедии дель арте».

Рассматривая кейс современной России и режиссуру праздничных мероприятий в муниципалитетах субъектов РФ, нужно отметить, что главное действующее лицо – высокий московский гость, губернатор либо глава муниципального района – всегда в принципе следует этой сюжетной линии.

КАРНАВАЛ И ПРАЗДНИК КАК ЧАСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ВЗГЛЯД НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Политическое управление всегда вариативно. Власть может прибегать к различным способам обеспечения принуждения: в ее арсенале существует достаточно инструментов, позволяющих добиться от общества необходимой поддержки. Сила власти в ее варьировании традиционными и современными практиками, обеспечивающими подчинение. Политический процесс пребывает в неустанном поиске наиболее оптимальных сочетаний политик, обеспечивающих принуждение. Ресурсов власти всегда хватает на то, чтобы не отпускать человека из сферы своих притязаний даже в тот момент, когда кажется, что коммуникация демократизи-

¹ Бунин И.А. Лишь слову жизнь дана... – М.: Советская Россия, 1990. – С. 116.

² Глюксман А. Философия ненависти. – М.: АСТ, 2006. – С. 42.

руется. Нужно понимать, что власть постоянно совершенствует практики контроля над общественным телом. Подобная способность власти находила отражение в теоретических штудиях. В частности, немецкий теоретик коммуникации Н. Луман отмечал, как «власть становится более совместимой с изменением тематик коммуникации»¹. Ресурсы власти оказываются вполне эластичными для того, чтобы являться вполне актуальными и эффективными на тот или иной момент времени.

Региональная политика не остается в стороне от подобных управленческих экспериментов. Непосредственное наблюдение над различными сюжетами региональной и муниципальной политики удостоверяет нас в том, что власть склонна к конструированию внешне привлекательной игровой формы, в которой скрываются уже зафиксированные жесткие иерархии власти/подчинения.

Однажды на сельском празднике в одном муниципальном районе Липецкой области мне пришлось встретить бывшего студента. В качестве главы сельской администрации он возглавлял делегацию своего села. В разговоре он признался, что сельская администрация в рамках одного муниципального района ежегодно участвует в 10–12 фестивалях. Нужно понимать, как много физических и творческих сил уходит на разработку концепции собственного участия в них. Если предположить, что подготовка затрагивает всех работников сельского совета (5–6 человек), то тогда это автоматически затрагивает несколько семей. Такие региональные истории вписываются в рамки русской культуры. Традиции отдельных локусов предполагают внимание к «собственным «заветным» праздникам», количество и содержание которых может варьироваться в зависимости от территории².

Высокое разнообразие культурных моделей, функционирующих внутри России, в свое время было отмечено еще немецким теоретиком культуры В. Беньямином. Разнообразие культур проявлялось в различиях детских игрушках, кустарным способам производившихся к праздникам. Подготавливаясь к карнавалному действу, игрушки «лепят, раскрашивают яркими красками и обжигают»³. Кустарное производство сегодня становится публичным, выставочным мероприятием. В рамках специальных мастер-классов создается важная для власти картинка, доказывающая соучастие элиты в культурном возрождении. Желая быть ближе к народу, представители элиты зачастую с удовольствием позируют на камеру во время участия в различных мастер-классах.

Попытка проанализировать карнавальную активность региональной власти в современной России приводит нас к выводу о том, что практики власти могут быть синхронизированы с праздничным календарем, в котором заметно наращивание праздничной интенсивности к Масленице⁴. Количество событий в российских реги-

¹ Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 122.

² Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы.–М.:Флинта, 2000.–С. 139-140.

³ Беньямин В. Московский дневник. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – С. 252.

⁴ Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология праздника. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – С. 53.

онах традиционно увеличивается к осени, когда праздничным гуляньям сопутствует погода. Нужно отметить, что в русской культуре «гулянье – обязательная составляющая праздника»¹. В процессе праздничной коммуникации происходит регистрация состояния городской инфраструктуры, ее качественных изменений. Равно как и в лучших традициях карнавальной культуры, именно в процессе данных гуляний и дается оценка муниципальной и региональной власти. Для местных и региональных чиновников, как правило, подготовка к праздникам, создающим настроение жителям, выступает достаточно важным элементом легитимационного процесса.

На наш взгляд, ограничения COVID-19 только подтверждают мысль о том, что в праздничных событиях скрывается огромный легитимационный потенциал. Именно поэтому власть не может полностью остановить праздничный драйв. Как уже было отмечено Э. Кантровичем, двойственность власти, присутствующая в комбинации физического и юридического тела, может мучительно переживаться в любой политической реальности. Власть искушается необходимостью физического раскрепощения в празднике, но вместе с тем и не забывает об опасности преодолеть контрольную черту. Тем самым мы видим появление новых законов, изобретение новых ограничений. Энергия уходит на оправдание верности собственной позиции в отношении баланса необходимого и достаточного. Так, в Липецкой области, понимая, что нельзя полностью остановить ярмарочную торговлю, власть приняла половинчатое решение, разрешив торговлю не более чем на 30 торговых местах.

В информационную эпоху значительные усилия власти расходуются на изобретение новых форм коммуникации и надлежащий контроль над ними. Ставшие популярными сегодня вынужденные технологии «дистанта», работы на «удаленке» всё равно так или иначе не отменяют контроль власти, а где-то даже и усиливают его. Власть не отпускает индивида и в формате онлайн, который, создает иллюзорное ощущение освобождения от надзора.

Разгар COVID-19 переводит в онлайн те мероприятия, которые должны были бы проходить в реальном времени. В онлайн проводятся событийные фестивали и традиционные для некоторых регионов культурные мероприятия. Власть пытается удержать аудиторию в карнавальном драйве даже онлайн. За ширмой красочных картинок угадывается ежедневный, методический труд их конструкторов и организаторов. Вместе с тем перевод зрелища в онлайн-режим не является исключительно внутрироссийской прихотью. Даже традиционная процедура вручения Нобелевской премии в Стокгольме тоже была анонсирована в онлайн-формате.

В стремлении власти максимально наполнить карнавальную реальность событием есть и другая сторона. В таких условиях реальная политика, предполагающая соперничество за власть, борьбу, критические обвинения сторон, практически полностью вырождается. Реальная политика начинает маскироваться, становясь

¹ Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. – М.: Флинта, 2000. – С. 141.

фиктивной, приблизительной. Общество постепенно разучилось формировать правильные запросы на содержание реальной политики, которая, в свою очередь, приобретает праздничное, карнавальное облачение. Текущие проблемы вытесняются необходимостью эффектной картинки, презентации, яркого костюма и кулинарного яства. Именно поэтому карнавальная реальность начинает прочно вживляться в реальную политику.

Автором уже отмечалось, как карнавальные мотивы присутствуют в презентации новых объектов инфраструктуры: школ, больниц, поликлиник, парков, мостов, спортивных и игровых площадок. Запрос со стороны власти на карнавальную атмосферу сегодня решается за счет ивент-агентств, придумывающих необходимую оболочку для политических даров населению. Разноцветные шарики, флажки, клоуны, ростовые куклы, нарядные жители и музыка усиливают праздничное настроение. После образцово-показательных торжеств ситуация возвращается на прежнее место. Карнавальность присутствует и в показательных уборках территории, предшествующих приезду региональной власти в муниципальные районы, раздаче агитации и символов¹.

Частая практика в современных российских регионах заключается в долгосрочном использовании праздничной рекламы, несмотря на утрачивание ею своей актуальности. Так, баннеры в честь общероссийского референдума или 75-летия Победы можно до сих пор увидеть на видных местах во многих зданиях российских муниципалитетов. Подолгу может радовать жителей российских регионов новогодняя иллюминация, задерживающая провинциалов в праздничном состоянии и, стало быть, отвлекающая их от суровой политической действительности. Власть понимает запросы общества на праздник, поэтому пытается как можно дольше откладывать с демонтажем прошлых праздничных свидетельств.

Как некогда заметил польский интеллектуал Т. Карпович, обсуждая «Носорога» Э. Ионеско, «толпе нравится распродажа монстров, и она их охотно покупает»².

В складывающейся реальности можно увидеть *новую искренность* – ситуацию, когда участники того или иного действия понимают показной характер мероприятия, но не могут отказаться от участия в нем, будучи вынужденными подыгрывать ему и даже свыкаться с ним. Новые карнавальные формы вынужденно «покупаются» обществом ввиду его недостаточной интеллектуальности. Дополнительные мотивы покупки зрелища могут перепроверяться нами, глядя на тот странный ассортимент, который продается в российских городках во время массовых гуляний и праздничных мероприятий.

¹ См.: Скиперских А.В. Карнавальная легитимность в современной России: новые платья губернаторов. // Politbook. – 2020. – № 4. – С. 28–44.

² Карпович Т. Единожды один, или Границы бесконечности. Поэзия, театр, эссе. – М.: Вахазар: Этерна, 2016. – С. 599.

КАРНАВАЛ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

При умелом использовании карнавальная реальность способна превратиться в политическую технологию, использование которой может открывать легитимационные перспективы политическим акторам. Это становится актуальным как для самой власти, так и для активной части общества, заинтересованной в смене власти. Карнавал имеет свою собственную драматургию, из которой извлекаются уроки как правящими, так и несистемными акторами.

Важность данной технологии для власти подтверждает С. Кара-Мурза, по мнению которого, «человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима диалога»¹. Праздничные картинки поглощают аудиторию, увлекают ее и удерживают в течение определенного времени, после чего, скорее всего, может начаться другой спектакль. У аудитории просто не хватает времени на разбор случившегося события. Нужно понимать, что может отсутствовать и соответствующая культура анализа и определения.

Как отмечают С. Кравченко и В. Романов, понимание специфики праздничного процесса позволяет акторам моделировать такие формы коммуникации, что «на выходе» будут обеспечивать «эффективное взаимодействие друг с другом и управление конкретным ходом жизнедеятельности в условиях увеличения неопределенности и институциональных рисков»².

Технология карнавала может использоваться и в интересах получения власти. Активная часть общества может воспользоваться некоей расслабленностью официальной власти, представляющей карнавал исключительно как праздник. Бдительность в таком случае может быть притуплена, а через карнавальную толпу может начать постепенно проступать стремление к активным действиям. Как правило, маски сбрасываются в самый не подходящий для власти момент. Вероятнее всего, именно такая моментальная трансформация ликующей замаскированной толпы в агрессивную и целеустремленную общность могла интересовать Ю. Андропова, испытывающего интерес к исследованиям М. Бахтина. Опасность карнавала скрывается еще и в том обстоятельстве, что разгоряченное общество может привыкнуть к демонстрации, а власть, наоборот, устать от регулярных карнавальных презентаций, о чем некогда говорил М. Фуко³.

«Зачем нашим советским людям скрывать свое лицо?» – недоумевает директор клуба Огурцов из «Карнавальной ночи» Э. Рязанова. В этом недоуменном вопрошании заключается прямота советского человека, ясность самой культуры.

¹ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – С. 194.

² Кравченко С.А., Романов В.Л. Социология и вызовы современной социокультурной динамики // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 8.

³ Мысль французского философа связывается с усталостью власти от регулярных демонстраций сопротивления, об изнашивании ее инфраструктуры. См.: Фуко М. Восстановить бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – С. 16-17.

Вспомним, как другим отрицательным героем советского кинематографа Бываловым из х/ф «Волга-Волга» Г. Александра была воспринята неожиданно раскрывшаяся карнавальная природа обычных жителей поселка на Волге. Бюрократ и чиновник, являясь эманациями советской власти, заинтересованы в предельно простых практиках управления понятным материалом. Человек в советской культуре должен быть предсказуем даже в юморе, в комических моментах своего бытия. Тоталитарная машина не привыкла видеть замаскированных людей – ее интересуют отретипированные эмоции.

Карнавал угрожает власти, и именно в этом следует искать истоки его деструктивной энергии. В свое время Ю. Андропов указывал на необходимость изучения самих себя. Возможно, объектом направленного исследовательского интереса мог стать скрытый потенциал социального действия, неясные механизмы моментальной социальной агрегации и коллективного действия. Фигура речи советского генсека не кажется случайной, учитывая его интерес к различным проявлениям карнавальной природы и любовь к авантурным текстам.

Страх обрушения артикулированной ненависти «низов» на политический класс наиболее вероятен тогда, когда декларации политиков моментально девальвируются. Несмотря на эффектную картинку, у общества все равно остается ощущение происходящего в реальной политике фарса, что М. Бахтин как-то определил как «лживое обличье слова»¹.

Общество привыкает к такой манере, но это вовсе не означает, что оно моментально забывает обещания власти. Эту особенность отмечает М. Шелер, считая наиболее опасной концентрацию ненависти в обществах, где заявляются почти равные политические права, правда, «соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т.е. в таком обществе, где каждый имеет «право» сравнить себя с каждым и «не может сравниться реально»².

Значение карнавальной реальности сложно переоценить для обществ, застывших в тоталитарном страхе. Исходя из этого праздник можно рассматривать как способ выживания в репрессивной реальности, на чем фокусируют свой интерес некоторые исследователи³.

Технология карнавала, позволяющая искусственно конструировать праздничную реальность масок, особый, энергетически активный мир, может быстро политизироваться с помощью своих создателей, которыми могут выступать как системные, так и несистемные акторы.

¹ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 212.

² Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – С. 21.

³ Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология праздника.–М.:ПЕР СЭ, 2003. – С. 87.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно отметить, что в современных политических практиках субъектов РФ региональный политический истеблишмент может все чаще прибегать к игровым формам коммуникации с обществом. Региональная и муниципальная власть, понимающая уязвимость своего положения в условиях предельно вертикальной системы принятия и реализации политических решений, все чаще пытается использовать различные способы пробуждения общественной поддержки. Выбор в пользу карнавальных и зрелищных мероприятий, нравящихся обществу, на наш взгляд, здесь совершенно неслучаен. В склонности общества к зрелищу, равно как и политического класса к производству карнавальных событий, присутствуют глубокие исторические корни и культурная специфика того или иного региона. Другое дело, что региональные и муниципальные власти в некоторых субъектах РФ могут излишне педалировать тему праздника в производимой политике, маскируя ею текущие проблемы и собственную неспособность создавать для населения инфраструктурные возможности на той или иной территории. Зависимость региональной политики от карнавальной реальности становится настолько высокой, что власть не может отказаться от нее даже в критические моменты. Ситуация с ограничениями в условиях пандемии COVID-19 отчетливо демонстрирует, как властью могут приниматься половинчатые решения. Принимая их, власть учитывает запрос общества на зрелище, равно как и маскирует собственные проблемы в решении системных вопросов. Отсюда следует, что политика значительно виртуализируется, проникаясь карнавальным, ироническим содержанием.

Библиография/References:

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛО, 2016. – 232 с.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб.: Азбука, 2017. – 416 с.
4. Беньямин В. Московский дневник. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 264 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2009. – 387 с.
6. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 712 с.
7. Бунин И.А. Лишь слову жизнь дана... – М.: Советская Россия, 1990. – 368 с.
8. Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология праздника. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – 143 с.
9. Глюксман А. Философия ненависти. – М.: АСТ, 2006. – 284 с.
10. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Опустошитель, 2011. – 177 с.

11. Иванов В. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
12. Исаев И.А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. – М.: Юристъ, 2003. – 566 с.
13. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 832 с.
14. Карпович Т. Единожды один, или границы бесконечности. Поэзия, театр, эссе. – М.: Вахазар. Этерна, 2016. – 736 с.
15. Кравченко С.А., Романов В.Л. Социология и вызовы современной социокультурной динамики // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 3-12.
16. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Азбука, 2017. – 608 с.
17. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
18. Скиперских А.В. Карнавальная легитимность в современной России: новые платья губернаторов // *Politbook*. – 2020. – № 4. – С. 28-44.
19. Турбин В. Розанов // *Смена*. – 1990. – № 11. – С. 128-145.
20. Фуко М. Восставать бесполезно? // *Неприкосновенный запас*. – 2011. – № 5 (79). – С. 16-20.
21. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – СПб.: Азбука, 2018. – 720 с.
22. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.
23. Cremona V.A. *Carnival and Power. Play and Politics in a Crown Colony*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – 323 p.
24. Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology*. – Princeton: N.J.: Princeton University Press, 1957. – 568 p.

1. Assman, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New dissatisfaction with memorial culture]. – М.: NLO. – 232 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. – М.: Khudozhestvennaia literatura. – 504 p. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. (2017) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. – SPb.: Azbuka. – 416 p. (In Russ.)
4. Ben'iamin, V. (2013) *Moskovskii dnevnik* [Moscow Diary]. – М.: Ad Marginem Press. – 264 p. (In Russ.)
5. Bodriiia, Zh. (2009) *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. – М.: Dobrosvet. – 387 p. (In Russ.)
6. Blok, M. (1998) *Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii* [Wonderworking Kings. Essay on the supernatural notions of royalty prevalent in France and England]. – М.: Shkola «lazyki russkoi kul'tury». – 712 p. (In Russ.)

7. Bunin, I.A. (1990) Lish' slovu zhizn' dana... [Life is given only to the word]. – M.: Sovetskaia Rossiia. – 368 p. (In Russ.)
8. Volovikova, M.I., Tikhomirova, S.V., Borisova, A.M. (2003) Psikhologiya prazdnika [Holiday psychology]. – M.: PER SE. – 143 p. (In Russ.)
9. Gliuksman, A. (2006) Filosofii nenyavisti [The philosophy of hate]. – M.: AST. – 284 p. (In Russ.)
10. Debor, G. (2011) Obshchestvo spektaklia [Society of the spectacle]. – M.: Opustoshitel'. – 177 p. (In Russ.)
11. Ivanov, V. (1994) Rodnoe i vselenskoe [Native and universal]. – M.: Respublika. – 428 p. (In Russ.)
12. Isaev, I.A. (2003) Politika Hermetica: skrytye aspekty vlasti [Politica Hermetica: hidden aspects of power]. – M.: Iurist". – 566 p. (In Russ.)
13. Kara-Murza, S. (2002) Manipulatsiia soznaniem [Consciousness manipulation]. – M.: Eksmo-Press. – 832 p. (In Russ.)
14. Karpovich, T. (2016) Edinozhdy odin, ili granitsy beskonechnosti. Poeziia, teatr, esse [Once alone, or the boundaries of infinity. Poetry, theater, essays]. – M.: Vakhazar. Eterna. – 736 p. (In Russ.)
15. Kravchenko, S.A., Romanov, V.L. (2004) Sotsiologiya i vyzovy sovremennoi sotsiokul'turnoi dinamiki [Sociology and challenges of modern sociocultural dynamics] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research]. – № 8. – P. 3-12. (In Russ.)
16. Lotman, Iu. (2017) Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - beginning of the XIX century)]. – SPb.: Azbuka. – 608 p. (In Russ.)
17. Luman, N. (2001) Vlast' [Power]. – M.: Praxis. – 256 p. (In Russ.)
18. Skiperskikh, A.V. (2020) Karnaval'naia legitimnost' v sovremennoi Rossii: novye plat'ia gubernatorov [Carnival legitimacy in modern Russia: New governor's dresses] // Politbook [Politbook]. – № 4. – P. 28-44. (In Russ.)
19. Turbin, V. (1990) Rozanov [Rozanov] // Smena [Smena]. – № 11. – P. 128-145. (In Russ.)
20. Fuko, M. (2011) Vosstavat' bespolezno? [Is it useless to rebel?] // Neprikosnovennyi zapas [NZ]. – № 5 (79). – P. 16-20. (In Russ.)
21. Kheizinga, I. (2018) Osen' Srednevekov'ia [Autumn of the Middle Ages]. – SPb.: Azbuka. – 720 p. (In Russ.)
22. Sheler, M. (1999) Resentiment v strukture morale [Resentiment in the structure of morals]. – SPb.: Nauka, Universitetskaia kniga. – 231 p. (In Russ.)